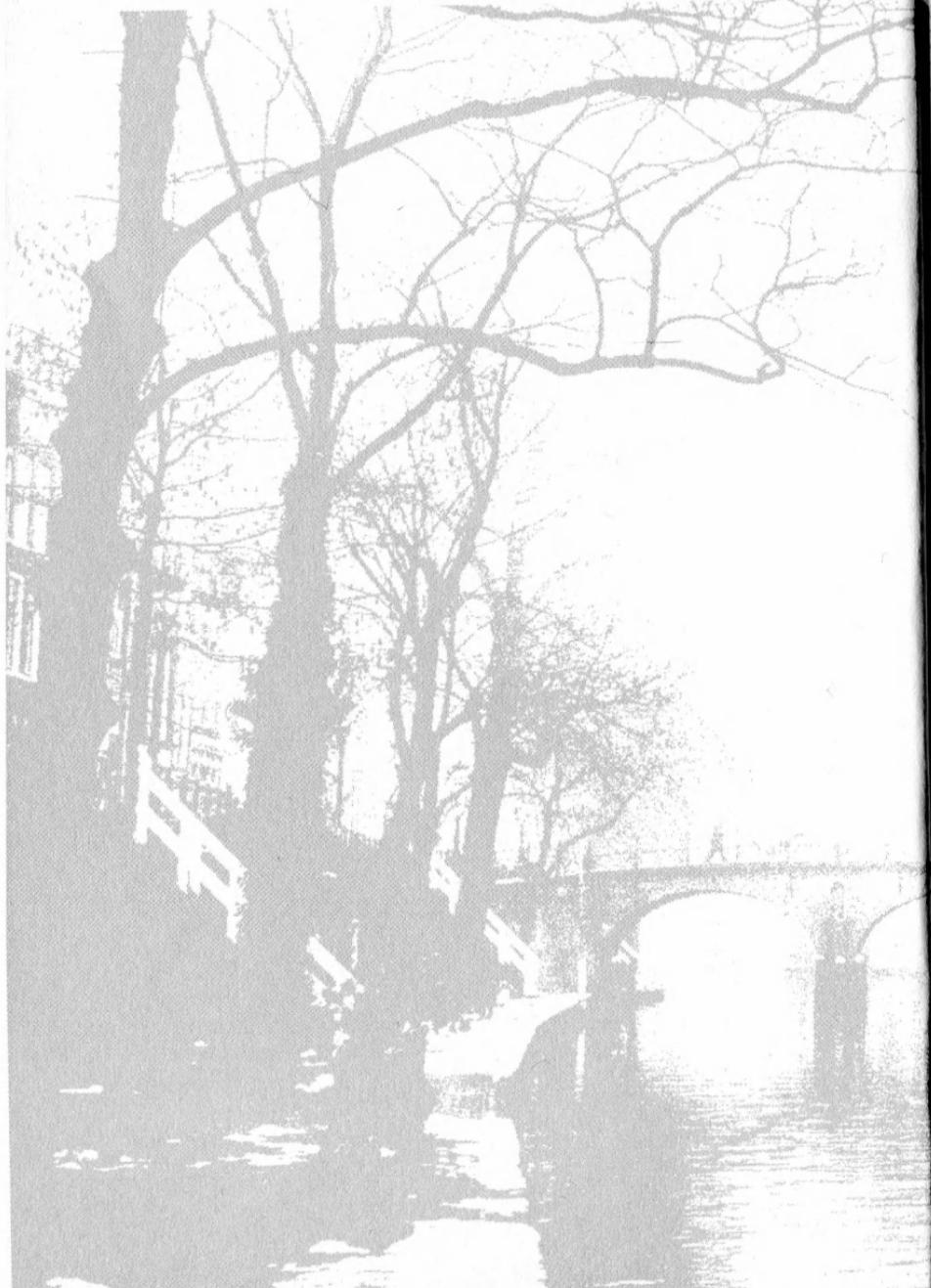
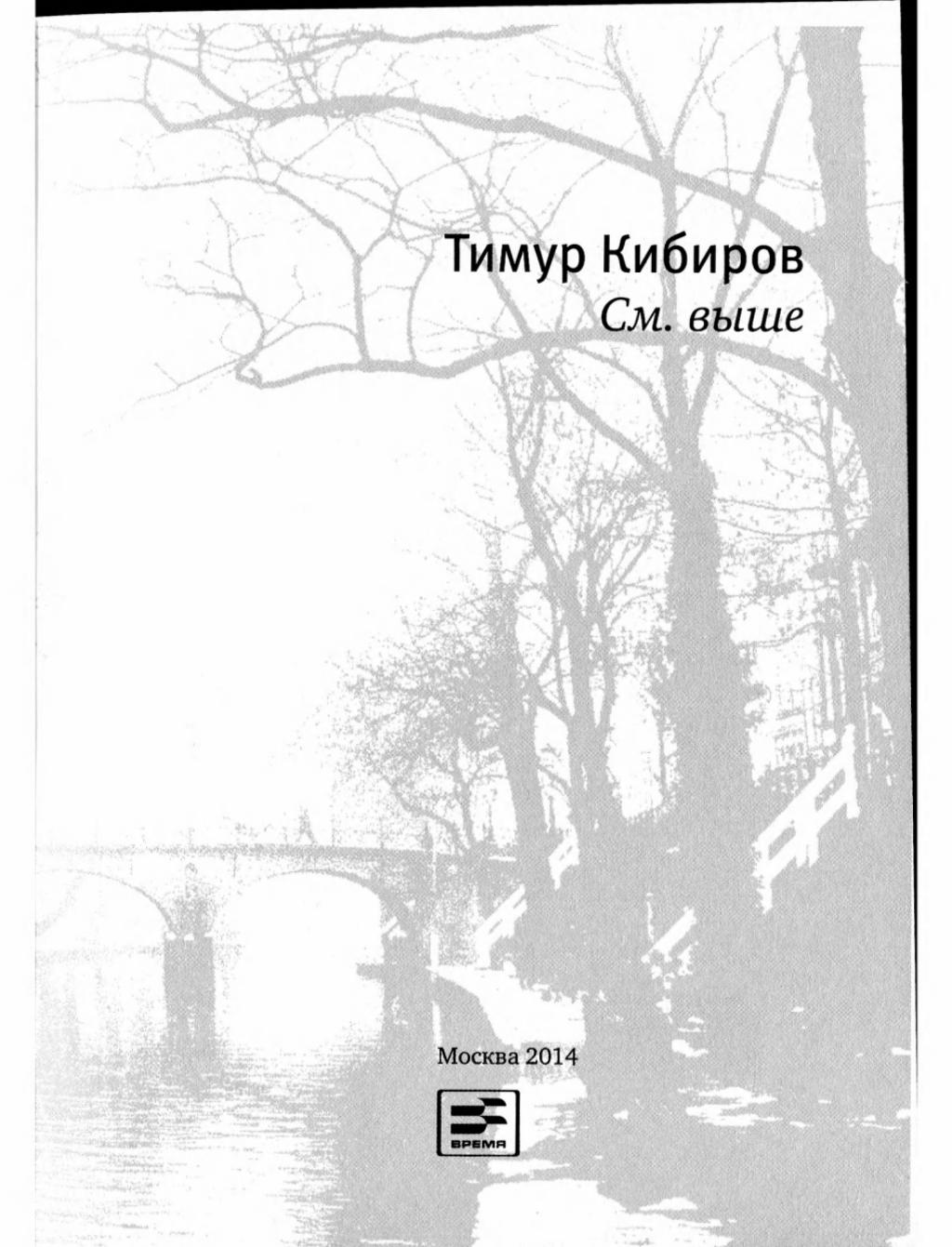

Тимур Кибиров

См. выше

тимур кибиров

Тимур Кибиров
См. выше

Москва 2014

УДК 821.161.1-1

ББК 84Р7-5

К38

дизайн

Дмитрий Минеев

Кибиров Т. Ю.

К38 См. выше. — М.: Время, 2014. — 80 с. — (Поэтическая библиотека).

ISBN 978-5-9691-1182-0

В новую книгу Тимура Кибирова вошли стихи 2010—2013 годов.

ББК 84Р7-5

ISBN 978-5-9691-1182-0

9 785969 111820

© Тимур Кибиров, 2014

© «Время», 2014

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

*Играй со мной, пожалуйста, почаще,
Хозяин мой!*

*Покуда сам я не сыграю в ящик,
Играй со мной!*

*Мне самому не справиться со скучой,
С тоской тупой.*

*Учи меня забавным всяким штукам —
«Апорт!», «Тубо!».*

*Подай же снова мне команду «Голос!»,
Команду «Фас!».*

*Ну поиграй со мной, Предвечный Логос,
В последний раз.*

ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА

* * *

Пока еще земля не дефлорирована,
Пойдем посмотрим, как растут растенья,
Цветут цветы, летают насекомые,
Катаются младенчики в колясках
И светит свет.

Как плавают собаки, утки, люди
И поплавки в коричневом пруду,
Как принимают солнечные ванны
Пузатые накрашенные тети.
Такая нынче жаркая весна.

Две девочки (от силы лет тринадцати)
Среди берез проводят фотосессию,
Кося глаза, отклячивая попки,
Пытаясь позы воспроизвести
Гlamурных проституток, но пока
У них не получается. Над ними
Недвижны кучевые облака.

А в общем-целом, как заметил Блок,
«Звенит и буйствует природа». И уже
Звенит бутылками и начинает буйствовать
Ее дитя — российский человек.

Ну что, домой?

СВЕТЛОГО МАЯ ПРИВЕТ

Стрекозьей ленью, козлоногой дурью
Исполнившись, завалимся в теньке,
Где солнце блазнит, словно плоть в ажурном
Зеленом, легкомысленном чулке.

Где прячутся стыдливые цветочки,
Линнеем названные лилией долин,
Хоть Соломон не знал о них. Но точно
Их именно упомянул Бог Сын!

СОДОМСКИЙ СЧЕТ

На лоне природы
Штук десять уродов,
Штук семь или восемь крикливых блядей.
Музон громыхает.
Они отдыхают
На лоне злосчастной природы моей.

Исполнившись гнева
К высокому небу
Воззвал я! Но небо сказали: «Смотри —
Вон там у мангала
Ни много ни мало
Две таксы невинных и девочки три!»

* * *

Облака дебелые
Да синь осоловелая,
Да пыльная, обильная, дебильная листва.
Ну какой-то Миргород,
А вовсе не Москва!

Блузку пиарменеджер
Закапала мороженым.
И что? Да ничего.
Весь мир такой разнеженный,
Расхлябанный, разношенный...
Не важно ничегошеньки.
Не страшно ничего.

* * *

Уж если я — в футболке и трусах —
Изнемогаю, как тебе-то тяжко
Должно быть, черноокая бедняжка,
В твоих роскошных палевых мехах!

В тени плюс тридцать! Ну а тут, в лугах,
Замешкаемся — хватит нас кондравашка.
И, вывалив язык, трусит дворняжка
Передо мной в безжалостных лучах.

Зияет солнца раскаленный зев.
Ф. Тютчев одобрял сей Божий гнев,
А нам с тобой и агропрому горе!

Овощеводу не спасти посев...
Но, судя по прогнозам, грозный Зевс
Все ж покарает Фаэтона вскоре.

* * *

Друг роскоши, прохлад и нег
Благословляет ухудшенье
Погоды, но таит от всех
Злорадное благодаренье.

Не айс, конечно же, но все ж
Спасибо и за эти лужи!
Как аспирин, сей хладный дождь
Понизит жар и боль заглушит.

Как Алкозельцер снимет он
В чужом пиру синдром похмельный.
Замызганный сосуд скудельный
Глазурью новой освежен!

ЗАКАТ

Серо-буро-малиновый вечер.
Посмурневший, усталый июнь.
Небосвод этот низкий не вечен.
Ты и сам не хорош и не юн.

Начинается дождь потихоньку.
Шепелявит в листве ветерок.
Иномарке соседской вдогонку
Кривоногий залаял щенок.

Ты задерни зеленые шторы.
Чай поставь и нарежь колбасу.
Он не вечен, сей мир беспризорный,
Пожалей его, не обессудь.

* * *

Заброшенный парк на окраине Битцы
По старой привычке приносит плоды.
И все продолжает от яблок ломиться,
И все над собою не чует беды.

Такого нигде ты теперь не отыщешь,
Гляди — настоящий ведь белый налив!
Мы платим полякам безумные тыщи,
Родное и вкусное все загубив!

В заглохшем саду, меж дичающих яблонь
Брожу я с собачкой, печалью объят.
Хотя бы старушки, бомжи бы хотя бы
Пришли отрясти этот сказочный сад!..

Не так ли, поэт, ты вовсю плодоносишь,
Но все в супермаркет идут и в кабак,
И вот ты дичаешь, не пользуясь спросом.
Не так ли? Поэт отвечает: — Не так.

СЕНТЯБРЬ

Твой кубок полон. На колени
Присела Саския к тебе.
И хоть уже клубятся тени,
Не время думать о судьбе.

Ты весел и благообразен,
И предстоит неблизкий путь,
Чтоб в ру比ще и струпьях грязи
К Отцу печальному прильнуть.

* * *

Наконец мы дождались просвета.
Лист желтеет, синеет асфальт.
Что ж так холoden к бабьему лету
Небосвод голубой, как Уайлд?

Вдовьи волосы крашены хною,
И роскошен и пышен шиньон,
И чрезмерной помадой губною
Лик чахоточный преображен.

Но увы — безнадежны старанья!
Красный молодец — солнце спешит
Поскорее закончить свиданье
И все позже прийти норовит.

Целомудрие света и ветра,
Ничего нам ни капли не жаль.
Просветленная скорбная Федра
Сублимирует похоть в печаль.

И беспол, православен, прохладен
Лесопарка смиренного вид,
Позолота здесь дышит на ладан
И паленой листвою кадит.

Но свалили уже за границу
Те, кто пели на клиросе здесь...
Станет схимомонахиней Битца,
Примет постриг заплаканный лес.

* * *

Не говоря уж про клены,
Но вон даже липы — ах! —
Ну прям как во время оно
Дрожат в золотых слезах!

И я уж молчу про сердце,
Но вон даже хладный мозг
Раскаться и согреться
Еще напоследок смог.

* * *

С букетами рдеющих листьев
По гравию — тюх да тюх —
Под вечер сырой и мглистый
Компания бродит старух.

Издалека — живописны,
Вблизи — просто *dance macabre*,
И кажется, ныне и присно
По кругу их водит октябрь.

Куда вы, бабули, откуда?
На что намекаете мне?
Мы с вами знакомы как будто,
В каком-нибудь виделись сне.

Во мгле атмосферных осадков
В туманах пустынных аллей,
Пугая меня и собаку,
Компания бродит теней.

В их лапках листья пылают,
В их глазках стоит вода.
Я взглядом их провожаю.
Но они не уйдут никуда.

* * *

Красный день календаря
Не седьмого ноября
А четвертого!!
Трепещи, коварный лях!
Взвейся, полосатый флаг
Росса гордого!

Вейся, бесик, над столицей
Над красавицей Москвой!..
Не пора ль перебеситься
Нам, товарищ дорогой?

Эй ты, кто там снова машет,
Кто валяет дурака,
И не сеет и не пашет —
Разгоняет облака?

Чтобы солнышко блистало,
На просторах площадей,
Чтоб Чайковский, Пушкин, Сталин ,
И Деникин, и Гагарин
Поднялись на Мавзолей!

Чтобы пел Олег Газманов
И плясали казаки,
Чтобы никаких туманов
Над волной Москвы-реки!

Чтоб дымил шашлык пахучий
В светлый праздник ноября,
Чтоб не омрачали тучи
Красный день календаря!*

* Стихотворение клеветническое и заведомо ложное — на День народного единства никто никакие облака не разгоняет.

* * *

Тягомотные, мутные месяцы
С междометием бр-р на конце.
Выраженье совсем неуместное
На твоем бестолковом лице!

Что ты лыбишься, глупая женщина?
Что резвишься, безмозглый зверок?
Мгла промозглая, роща зловещая,
Мерзопакостный мелкий снежок.

Что ж ты фоткаешь веточки всякие,
Этим мраком груя Instagram?
Ну-ка, дай посмотреть мне!.. Ну так себе...
А вот это... гляди-ка... и впрямь...

НАСТОЯЩИЙ МИНИМАЛИЗМ

Некому рябину поклевати.
Птиц небесных что-то не видати.
Видно, на помойках им сытнее.
Так же вот и люди сатанеют.

Но сейчас я не об этом, впрочем.
Я о том, что нету ни листочка,
Лишь горят нетронутые гроздья.
Так красиво — загляденье просто!

Этот красный цвет на этом сером
Служит убедительным примером
Той, искомой издавна поэтики —
Люли-люли — этики-эстетики.

* * *

На девятом месяце Мария.
Снега нету. Но подмерзла грязь.
К свету льнут растения живые,
За двойными стеклами хранясь.

И не только солнце, всякий смертный
Норовит подольше не вставать.
В эти дни, похоже, даже черти
К бабушке своей уходят спать.

И волхвам, пожалуй, рановато
Снаряжать верблюдов и ослов,
Им дождаться первопутка надо,
Первозданных праздничных снегов.

А пока что так темно и скучно,
Пусто так и холодно окрест,
Что в запой уходит малодушный,
А велиководушный слишком трезв.

Но, избавлен от остатков спеси,
Скоро мир притихнет, как впервый,
И с небес на наше мелкобесье
Выпадут и воля и покой.

* * *

Стынет вечер, блещет холод,
Над трубой стоит дымок.
Дева на порог выходит.
Ее Пушкин в щечку чмок!

И с волчицею холодной
Волк выходит из дубрав,
И ямщик простонародный
От него летит стремглав.

И выходит крошка Шуберт
(Winterreise) в зимний путь.
Мандельштамовская шуба
Велика ему чуть-чуть.

Он горючими слезами
Из-под кругленьких очков
Растопить мечтает замок
Голубых волшебных льдов.

**ВОЛЬНОЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ТЕКСТА КАНТ
ДИТРИХА БУКСТЕХУДЕ
«DAS NEUGEBORNE KINDELEIN»**

Новорожденный Карапуз,
Грудной Младенец Иисус
Дарует снова Новый год,
Еще один нам шанс дает!

Поют над снегом ангелки,
Что снова Он простил грехи,
Не по заслугам — просто так,
И снова с носом вечный Враг!

И снова с нами верный Друг,
Хотя отбились мы от рук,
От пригвожденных рук Его, —
Сияет снова Рождество!

И снова весь честной народ
Вокруг елки пляшет и поет,
Покуда адские врата
Трещат под натиском Христа.

* * *

Рыбий скелетик елки
Валится у помойки.
Ни блесточки, ни иголки.
Как быстро время идет.

Еще и салат не доели,
Очухаться не успели,
Взглянули в окошко: — Ой, как
Состарился Новый год!

* * *

И след простыл, и лед застыл,
И кончилась история.
И затянул покойный Хиль
Ирландскую застольную —

«Миледи Смерть, мы просим вас...»
Но смерть тута на ухо...
И след простыл, и день угас,
И всё, как в танке, глухо.

ФЕВРАЛЬ, ОПИСАННЫЙ АВТОРОМ ГОДУ ЭТАК В 78-м

Перламутренняя рань.
Голубиная финифть.
Белизна колхозных нив.
Черных веток филигрань.

Цуцик, хлюпик, мозглячок,
Разрумяньяся снегирем!
Скрип-хрусталь под каблучком.
По лбу — щелк! И в щечку — чмок!

* * *

По идее — младость, сладость,
Хмель, капель, апрель, свирель!
А на самом деле — слякоть
Непролазная досель!

Ноздреватый, угреватый
Снег цинично обнажил
Все какашки и бумажки,
Мусорки и гаражи.

Алкашня воспряла духом,
Потянулась на пленэр,
И повыползли старухи
Вспоминать СССР.

И на завтра обещали
Снова снег и дождь опять!
Сумку с летними вещами
Нехрен было доставать.

И грачи не прилетели,
И лазурь едва видна,
Но по сути, по идее —
По врожденной по идее —
Это всё — весна!

* * *

Снова чистой воды торжество и надежды дурацкой
На смягчение нравов и царство любви панибратской.

И для радости нет и не будет причины особой.
Только бабьей слезою подтаяла горечь и злоба.

Только верится легче, что Он в самом деле воскресе.
Снова ветер, и ветки, и дети тревожат окрестность.

Снова музыка пенится, и пузырится, и хлещет.
Только в свете весны даже это не так уж зловеще.

* * *

Какие ж это, Ленка, одуванчики?!
Да ты рехнулась, что ли? Погляди!
И что, что желтенькие? Это мать-и-мачеха
Типичнейшая, к бабке не ходи!

До одуванчиков еще дожить нам надо.
В оврагах неподвижен грязный снег.
Хотя под ним ручьи журчат. Понятно?
Се аллегория! Дотумкай, человек!

ЧТО ВСЕ ЭТО ОЗНАЧАЕТ?

* * *

Гляжу я на Путина и изумляюсь,
Гляжу на себя — изумителен сам.
Из горных высот в дальний прах приземляясь,
Не верю своим я глазам и мозгам.

Стою, озираюсь и не постигаю
Ни черную сотню, ни красный кагал.
И только пугаю, и только пугаюсь —
Какой же обширный у нас ареал!

* * *

Мы Христа не продавали —
Отдавали даром!
Уцененные товары
Высятся навалом!

Уцененных волхвований
Полные собранья,
Мелких бесов ликованье
На телеэкране!

Жадно мы схватили, Боже,
Что тебе не гоже!
Оттого не вышли рожей,
Да и духом тоже!

Оттого и взятки гладки,
Непорядки гадки,
Оттого уходят в пятки
Душ живых остатки!

АВТОРЕМИНИСЦЕНЦИИ

Креативный класс клубится,
Сомелье, шоколатье,
Пляшет, пляшет Цискаридзе,
Лижут, лижут Депардье,

Ложит плитку мэр Собянин,
Кажет гаджеты премьер,
По опросам россияне
Заждалися высших мер.

В Сочи трассы снеговые,
На экранах спайдермен,
Справедливая Россия
И единая Россия
Поднимаются с колен!

Москва-Сити над Москвою,
Над Мордовией УФСИН,
И бегущею строкою:
«Мене, текел, упарсин!».

* * *

Что все это означает?
Может, это просто так?
Чистый разум вопрошаet —
Это знак или не знак?

Я живу на этом свете
Скоро шесть десятилетий.
Странно было бы роптать.

Сняв зарплату из Сбербанка,
Как три мудрых обезьянки,
Я могу молчать.

Я ведь ничего не знаю,
Еще меньше понимаю.
Не дает ответа Русь.
Я тем паче не берусь.

Что все это означает?
Кто все это означает?
Ты ли, Добрый Пастырь мой?
Или тот, другой?

МЕЖПАРЛАМЕНТСКИЕ КОНТАКТЫ

Глянь, Ваня на Мане жениться не хочет.

А Федя на Пете хочет!

Наш законодатель весьма озабочен.

А их почему-то не очень.

И к члену палаты каких-то там лордов

Воззвал депутат из-под Тулы:

«Коллега, нормальный пацан же ты вроде!

Ну что ты, брателла, в натуре?!»

— «For shame! You are crazy! Fie! Fie! You are nazi!!» —

Пиндос разорался не хуже...

Куда же деваться, сестрицы и братцы?

Кого выбирать среди этих засранцев?

Кому делегировать ужас?

ПРИТЧА ВО ЯЗЫЦЕХ

Однажды три девицы,
Озорничать большие мастерицы
И безобразничать охотницы, во Храм
Явились, так сказать, не запылились —
И ну куражиться и изгаляться там!
Видать, взбесились!

Та песенку поет, та ножкой помавает,
А та господню срань не к месту поминает!
Ну в общем — форменный Содом!
И благочиния никто не соблюдает.
А надобно сказать, что поп при храме том
Богат был ревностью, но не богат умом.

И потому, сумняшеся ничтоже,
Он в МВД заяву накатал!
Наш полицмейстер мал был да удал,
И шутки с ним шутить избави Боже!
Закона страж и тут не оплошал —
Мольбы и пени втуне,
Младых плясуний
Он под замок
На долгий срок
Упек!

Христолюбивыми спасенная ментами
Сияет Божья церковь куполами,
Звонит колоколами,
Как и встарь,
Над нашими смиренными главами.

Какая ж здесь, вы спросите, мораль?
Да никакой! Сплошная аморальность.
Девчонок, несмотря на глупость и охальность,
Ужасно жаль!

Ну а ментам и прочей вертикали,
Властителям и судиям
Я лично не готов читать морали —
Идут они — увы — ко всем чертям!

Но поп-то, пастырь-то зачем сел в эту лужу?
Ведь он, кажись, не полицай?
По ведомству другому вроде служит?
Сему попу мы скажем: — Ай-яй-яй!

Заблудших божьих чад сдавать чекистам
На радость атеистам-сатанистам —
Где ж это видано?! Но слыхано давно
Предание старинное одно —

О том, что у попа была собака.
Поп клялся ей в любви вечной, но
Однако
Убил своей рукой!
Вы спросите — на кой?

Зане собачка согрешила тяжко
И оскоромилась невовремя, бедняжка.
А ведь была собака неплоха.
Так в чем мораль эзопова стиха?
Коль поп собаке не дает поблажки,
С таким попом недолго до греха!

Такой немилосердной казнью
Сей
Иерей
Чинит великие соблазны
И совращает малых сих
Почище панков озорных!

Да и вобще — ходить по церкви в ногу
И на фельдфебеля равнение держать —
Ей-ей, не многим лучше, чем плясать!

Ни Божье кесарю, ни кесарево Богу
Нам, православные, не должно отдавать.

* * *

Чума. На оба ваши дома. Я включаю
Программу Euronews. Но вскоре выключаю
От раздражения, но чаще от тоски.
Отечественные родные дураки
И импортные — хоть нисколько не похожи —
Но дружно с двух сторон творят одно и то же.
Что именно, пока неясно, но уже
Мерещится крантец испуганной душе.

«Чем либеральней, тем они пошлее». Тютчев
Прав, разумеется. Но Смердяков вонючий
Благоухания не источит, предав
Заветы Euronews и православным став.
Скорей наоборот. Разит еще сильнее
Говном и серою от бойкого лакея.

Слова, слова, слова... Эх, мне б твои заботы,
Любезный друг, блаженный Пиндемонти!

* * *

К свободе призваны вы, братья...
Послание к Галатам

Отчего это свобода,
Эх, эх, без креста?!

А отсутствие свободы,
Эх, эх, со крестом?

Дело, миленькие, в том,
Что царь Ирод и Каиафа
Закосили под Христа!

А мятежные народы
Под знаменами свободы —
Хочешь верь, хочешь не верь —
В бой ведет Иезавель!

* * *

Не ходили б мы к Цирцее
На халяву пировать,
Не пришлось бы нам, зверея,
Комбикорм в хлеву жевать!

Не пришлось бы нам, наверно,
Очутиться в этой скверне
И на Оруэлла ферме
Хрюкать, блеять, бунтовать!

* * *

На повестке дня вопрос —
Кто такой Иисус Христос?

Благолепный кворум
Отвечает хором:

Это наша национальная идея!
А точнее —

Наш ответ Чемберлену и прочим пиндосам!
Переходим к следующему вопросу,

К наболевшему вопросу о filioque.
Слово предоставляется
Товарищу Жириновскому!

**ПОДРАЖАНИЕ
ДМИТРИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПРИГОВУ**

Вот избран новый Папа,
Увы — иезуит!
Приятно, что не немец,
Но ведь иезуит!

Да нам-то что — ну Папа,
Ну иезуит!
А все же страшно — Папа
Да еще и иезуит!

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДУХОВНОСТИ

«Что такое хорошо и что такое плохо» —
Это вам, ребята, вместо Декалога.

Ну а вместо нагорной проповеди —
«Незнайка в Солнечном городе»

Или вовсе «Мальчиш-Кибальчиш»!
А ты говоришь!..

А ты говоришь в золотушном этом детсаде
О Дантовом аде,

О потерянном рае...

* * *

Жили-были два дебила —
Креатив и Позитив.
Их Начальство возлюбило,
Смысл и совесть разлюбив.

Креативный класс воспрянул!
Позитивный дух взыграл!
И Бухгалтер, как ни странно,
Эту смету подписал.

И пошла такая пьянка —
Режь последний огурец!
Расстелили самобранку,
Расчехлили кладенец!..

Тут и сказочке конец!

* * *

Есть «Норма» Беллини и «Норма» Сорокина,
А есть норматив замполита Серёгина —
Так что ты конкретно имеешь в виду,
кляня ненормальность заблудшего века
и ненормативность речей человека,
и как ты собрался нормировать мир?

Отстань ты уже!.. Ничего не собрался!..
Но, как собеседник явившись на пир,
Вниманье твое обратить я старался
На то, что зашкалил прибор и затих,

На то, что превышены тысячекратно,
А может и выше еще ПДН,
И в этой связи велика вероятность,
Ух как велика на сегодняшний день...

* * *

What Passion cannot Music raise...
Ode for St Cecilia's Day

Là-bas, là-bas! — поет Кармен.
Dahin! Dahin! — поет Миньона.
Но слаще всех
И дальше всех
Зовет Пульхерия Иванна.

И разрывается душа
По этим направленьям разным,
Пропискою не дорожа
И на тарифы невзирая!

Но чу! Цецилия святая,
Посредством Генделя взывая,
Зовет меня куда-то вверх!

Но шансов мало на успех.

* * *

Вот ты спрашиваешь — вскую мятутся языци,
И племена замышляют тщетное,
И слепые ведут слепых
Черт знает куда?

А потому что не могут поверить
В Него,
В Бога истинна от Бога истинна,
Рожденна, Несотворенна!
Куда уж им, бедненьким!

Вот был бы Он Самсоном или даже Варравой,
Так и Иуда Искариот смог бы поверить,
И Каиафа.

А был бы Он арийцем, а не жидом по Матушке,
Так и доктор Геббельс уверовал бы!

А будь Он Сократом или, скажем, Буддой,
Сам Лев Николаевич стал бы столпом православной веры.

А стань Он, к примеру, Че Геварой,
Уверовал бы и Пазолини,
И всякие постструктуралисты.

А если бы Он оказался — прости, Господи! —
Сексуальным партнером Магдалины,
Дэн Браун поверил бы в Него и возопил бы:
«Осанна!»

А был бы Он Ницше,
Поверил бы и Ницше!

А так всем им, неверам и афеям,
Уготованы тьма внешняя
И скрежет зубовный.

А спасены будем только мы.

Ведь мы-то уж всем сердцем верим
И знаем назубок,
Что Он —
Истинный
Маршал Советского Союза
Георгий Константинович Жуков!
Его же Царство, и Сила, и Слава во веки веков
Аминь.

* * *

По Образу Предвечному созданный,
О человек!.. Сказал бы я тебе!
Да не охота связываться...

Данный
В комедии «Тупой, еще тупей»

Смысль бытия людского мне доселе
Принять невмоготу. Хотя уже
И сам я понимаю еле-еле,
Что было на уме и на душе

У, скажем, протопопа Аввакума
Или Игнатия Лойолы... Под землей,
Наушниками оградясь от шума,
По линии оранжевой родной

Влекусь, не уступая место тетке
Нависшей надо мной. Не то чтоб я
Устал уж очень. Но таким уродкам
Не уступает ненависть моя.

Читай свою Устинову и брюхом
На скорбного меня не налегай!
Изыди, богомерзкая старуха,
«Мессию» слушать старцу не мешай!

Нежнейшая из всех земных мелодий
Зовет — I know that my Redeemer liveth!
И это будет в русском переводе:
«Я верую — мой Искупитель жив!»

Ну, в этом, Гендель, я уверен тоже.
Но искупаемый в моем лице,
Но искупаемый в лице вот этой рожи
Сомнения внушает. И в Конце
Концов...

ПРАЗДНИК УРОЖАЯ

Во саду ли, в огороде
Fleurs du mal* сажали.
Во Содоме, во Гоморре
Урожай сбирали.

Из цветочков ягодки
Вышли хоть куда!
Ешьте, не стесняйтесь,
Дамы, господа!

А кто плохо кушает
И кривит уста,
Этим непослушным
Будет а-та-та!

Жните, что посеяли!
Жрите, что дают!..
В чащах смертной сени
Сто цветов цветут!

Нет плодов запретных
В вертограде том.
И хозяин щедрый
С рогами и хвостом!

* Цветы зла.

* * *

Шуршит целлофан, алюминий скрежещет,
Вздымаются ввысь силикон и бетон,
Все ярче и все многочисленней вещи,
Не рвется нейлон, не сгорает тефлон.

Батон не черствеет. Неон не угаснет.
Полиэтилен никогда не сгниет.
Без всяких хлопот я могу ежечасно
Качать Ди Донато на новый iPod.

Чтоб, грохот подземных колес заглушая,
Мне пела она высоко-высоко
О том деревянном, о плотницком рае,
Где иго есть благо и бремя легко.

* * *

*И свет во тьме светит, и тьма
не объяла его.*

Ин. 1,5

Свет, как прежде, необъятен.
Тьма объяла только нас.
Тычясь рыльцами слепыми,
Мы бубним, что свет погас.

Бельма мутные тараща,
Усиками шевеля,
Роемся в тебе все глубже,
Наша мать сыра земля,

Наша тьма сыра могила,
Наш родимый морок-мрак.
Хоть убей, ни зги не видит
Атрофированный зрак.

Свете тихий, свете ясный,
Незакатный Божий свет.
Всё мы про тебя читали,
Но тебя в помине нет!

Сумрак умопомраченья,
Тьмы и тьмы и тьмы во мгле,
И бега тьмутараканьи
Во кладбищенской земле.

Нету, нету! Ни просвета,
Ни единой щелки нет!
И не надо! Слишком страшен
Тот неугасимый свет!

Слишком он огнеопасен
Для кромешного жилья.
Убаюкан тьмой-мамашей,
Затворил зеницы я.

Слишком поздно. Глубже, глубже
Зарывайся, злая тварь,
И, покуда свет не грянул,
Покайфуй и покемарь.

* * *

Что за шум, а драки нету?
Погружающийся в Лету
Разорался злой стариk.
Фрик ли он? Пожалуй, фрик.

Пожилому человеку
Нравы нынешнего века
Не по нраву. Старику
Не лежится на боку!

Что ж тебе неймется, старче?
Ты о чем так горько плачешь?
Ты зачем, пенсионер,
Подаешь дурной пример?

— А затем, что наши книжки
Не хотят читать мальчишки!
Дух растлился! Свет угас!
Каждый третий — пидалас!
Вот те раз!

Так со страхом, с укоризной
Голосит стариk капризный,
Брызжет бешеноj слюной,
Блещет пьяноj слезой.

Порожденьями ехидны
Обзывают он обидно
Ближних, дальних и коллег.
Неприятный человек.

Зимним утром, рано-рано
Вот такого старикана
В ванном зеркале узрев,
Я стою оторопев.

* * *

Всё гаже просыпаться.
Всё слаше засыпать.
Путь социализации
Я проползаю вспять.

Увы — всё дальше ближние,
А давнее всё ближе.
Закрыл глаза на лишнее,
А главного не вижу.

Всё посылаю на...
Таков ли путь зерна?

Всё меньше оснований
И всё наглее Тот,
Кто хвастает заранее,
что все он поберет.

* * *

В одной кантате Баха
Поет суровый бас
О смерти и о страхе,
что ожидают нас.

Он Herz и Schmerz рифмует,
А также Gott и Tod.
Как больно наказует
Таких как мы Господь!

Но нежное сопрано,
Сменив сердитый бас,
Хотя и лютеранка,
Заступится за нас!

Ведь в яслях спит Младенец,
В ночи горит Звезда!
Кто этому поверит,
Спасется навсегда!

O Jesulein, mein Leben,
Пролей Святую Кровь,
Чтоб отвести погибель
От злобных дураков!

Чтоб в радостном хорале —
Herr Gott, dich loben wir —
Мы тоже заорали —
Господь! Wir danken dir!

* * *

Полежи на пляже.
Попивай вино.
Если хочешь, даже
Посмотри кино.
Это все равно.

Еле-еле слышный,
Еле-еле страшный
— Это все неважно —
Нарастает гул...

НОЧЬ ПЕРЕД И ПОСЛЕ РОЖДЕСТВА

*Синопсис сценария
для кукольного мультфильма*

Пролог на Земле.

Утро 31 декабря. Кухня в малогабаритной подмосковной квартире, в окне за какими-то салями и гаражами, за опорами ЛЭП — заснеженный хвойный лес.

Бабка Елена Борисовна пьет чай с непутевым отцом своих внуков,

Ванечки и Манечки.

Папаша давно уже живет в другом городе и в другой семье, а мама, то есть дочь бабки,

покоится в московском колумбарии,

что по теперешним взглядам Елены Борисовны страшный грех.

Папаша завез детишкам новогодние подарки,

чтобы старушка вручила их после двенадцатого удара курантов.

Да не тут-то было.

Бабушка уж два года как воцерковилась,

и праздновать безбожный Новый год посреди Рождественского поста не намерена.

Отец пытается спорить, но где уж ему, малохольному,

совладать с истовой (или неистовой) православной старухой.

Да еще на свою беду он что-то вякнул по поводу того, что вон весь мир уже спровоцировал Рождество,

а мы... Напрасно он об этом заговорил.

Много ему пришлось выслушать и по этому поводу

и вообще о ситуации в стране и мире,

и конкретно о собственном моральном и физическом облике.

Но в итоге все-таки умолил он свою бывшую тещу согласиться на компромисс —

подарки детям будут вручены,

но, конечно же, не в языческий праздник,
а как положено — на православное Рождество.

И то не все —

Пятый айфон, предназначенный для старшенькой внучки,
безапелляционно отвергается.

2

Пролог на Небесах.

Святая Троица обсуждает создавшуюся ситуацию.

У художника-постановщика с неизбежностью возникнут
сомнения и трудности

с визуализацией Триединого Бога.

Можно, конечно, ориентироваться на прославленную икону
Рублева,

но тогда зрителям будет нелегко уразуметь, Кто есть Кто;
лучше, мне кажется, пойти менее эстетски-эффектным,
но более понятным путем —

представив седобородого величественного старца,
белокрылого голубя в золотом сиянии
и Иисуса со следами крестных мук.

Все три Ипостаси Единого Бога сетуют на эту календарную
неразбериху,

но соглашаются, что сейчас уже что-то менять поздно (или рано) —
во избежание еще горших соблазнов и нестроений.

Но это если говорить вообще, а вот в данном конкретном случае?
Жалко же ребятишек. Их и на утренник не пустили.

Бог-Отец склоняется все-таки к тому, чтобы не вмешиваться,
ведь праздник-то действительно языческий и сомнительный,
и действительно ведь у православных пост в самом разгаре.

Но Святой Дух возражает:

Мы де не какой-нибудь деистский Перводвигатель
и вмешиваться, когда чинятся такие обиды и несправедливости,
можем и должны,
Сын же предлагает поручить Николаю Угоднику
(Мирликийскому), то есть Санта-Клаусу,
как-то решить этот вопрос,
чтобы и дети подарки получили,
и вера богомольной старушки не была посрамлена.
Является Св. Николай,
но является также и наглый Дух отрицанья, Дух сомненья,
что, конечно, не совсем вяжется с устоявшимися
представлениями о возможностях Дьявола,
но в случае с Ивом Сатана ведь принимал участие в дискуссии.
Происходит перепалка между святым и этим незваным гостем,
в которой обнаглевший демон обвиняет Силы Небесные
в нечестности и непринципиальности
и, заверив св. Николу, что он это так не оставит,
низвергается в облаке серного зловония вниз,
на землю.
Далее следует обсуждение подарков — какие
и в каком количестве будут уместны.
Айфон и здесь вызывает большие сомнения,
но потом все-таки решают, что его следует положить
в мешочек для Машеньки,
а вот мечта Вани об игровой приставке оказывается несбыточной.
Зато ему достанется замок с рыцарями из «Лего»
и набор настоящих оловянных солдатиков —
и пеших, и верхом
и с маленькими пушечками, которые стреляют горохом.
И «Бибигон» с такими прекрасными картинками,
что просто смеяться и плакать хочется.

А старшей сестре — все приключения Муми-троллей и — после некоторого размышления — не рано ли? — 30-томник Диккенса.

Ну и сласти —
От моего любимого грильяжа в шоколаде
до сливочных помадок!
Ну и, разумеется, мандарины.

3

Далее все разворачивается точно, как в классических советских новогодних мультиках —
на стороне Санта-Клауса зайчики, снеговик, собака и кошка,
и разные зимние птицы.

Им противостоят силы мрака —
волки, лисица, черти во главе с уже знакомым Демоном.
Николаю Чудотворцу в данном случае какое-либо чудодейство строго-настрого запрещено —
чтоб не вводить во искушение не слишком твердых разумом россиян.

А вот Нечистая Сила все свои зловредные сверхъестественные способности проявляет вовсю —
и буран поднимает,
и усыпляет шофера попутки,
так что все летят вверх тормашками в кювет,
и задействует страшных слободских хулиганов с ножами
да бейсбольными битами
и глупых полупульяных ментов.
Эти-то полицейские и оказываются на время неодолимым препятствием
для Пречистой Силы.

Демон, нарядившись в красно-белую форму деда Мороза, а злую колдунью и потомственную ясновидящую из программы «Третий глаз» представив Снегурочкой, обращается за помощью правоохранительных органов — Он де настоящий русский дед Мороз, прямиком из Великого Устюга, вез мешки, полные подарков, для российских детишек в детские дома и суворовские училища, а некий самозванец, связанный с концерном «Кока-Кола» и кровавым ватиканским «Опус Деи», напал со своими бродячими животными и дикими зверями и все отобразил! В общем — план «Перехват», «Работает ОМОН!», все повязаны, подарки изъяты, документов, удостоверяющих личность, конечно же нет, и надежды никакой — тоже. Только псу, и сороке, и трем отважным снегирям удается улизнуть, и они устремляются по следу бесовской шайки.

4

А в это самое время жестоковынная старуха загоняет внуков в кровати. Это в новогодний-то вечер! Ваня, натурально, ревмя ревет, Маша сдерживается и молчит,

но ненавидит и бабушку, и ее религиозные убеждения
от всего исстрадавшегося и обиженного маленького сердца.
Но делать нечего.

Бабка на кухне остается одна.

Видно, что ей не по себе.

Мученица обрядоверия просто места себе не находит,
больно уж ей жалко внучат.

А тут еще за окном началась новогодняя дурацкая канонада,
все кому не лень запускают небезопасные китайские ракеты
и фейерверки

и зажигают бенгальские огни.

Старуха беспокоится, как бы не разбудило это громыханье
дтишек,

открывает дверь в их комнату

и застывает на пороге

при виде двух маленьких полуоголых фигурок
на фоне полыхающего разноцветными всполохами окна.

И так хорошо она вдруг понимает,

до чего ее внучата завидуют тем визжащим на улице детям,
чьи пьяные папаши устроили все это пиротехническое
бездобразие.

Стоит бабка, смотрит,

а видеть уже ничего не видит от слез.

Да как вдруг рванет в прихожую!

Чуть с табуретки не свалилась,

таща с антресолей коробки да пакеты.

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Помилуй мя грешную!»

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Помилуй мя грешную!»
 Да конечно помилует, старая ты дурочка,
 уж за это точно не накажет,
 так что торопись, бабка, вытаскивай подарки, которые
 привнесла на Рождество,
 пока еще удивительный Президент РФ не закончил свои
 поздравления
 и на Спасской башне не пробили в последний раз часы.
 Ура! Успела!

С Новым годом!

С Новым счастьем!

Помилуй нас грешных!

И тут — та-та-та-там! —

в дверь целая толпа гостей во главе с Николаем Угодником!
 Санта-Клаус, вызволенный Святым Духом из обезьянника,
 добрался-таки, хоть с опозданием,
 вместе со всеми зайчиками, и котами, и собачками, и снегирями
 и вручает Ванечке и Манечке свои святые дары,
 выкраденные отважными зверятами у Врага.
 Только вот ёлки никакой, даже искусственной,
 нет в квартире.

Ну да не беда — лес-то рядом!

И все бегут туда, к огромной старой ели на опушке,
 которая загорается невероятным волшебным светом,
 и все пляшут и поют в хороводе под музыку...

ну например...

ну не знаю...

но только не «Щелкунчик» — поднадоел ...

Ну пусть будет что-нибудь из «Волшебной флейты»?

Сочинение конечно масонское, я знаю,
но слов-то никто все равно не поймет,
а музыка самая подходящая...

Ну а попоститься еще времяя будет...

Жалко только, что Силы Небесные не решились
и бабке прислать новогодний подарок,
хотели было, да поостереглись —
уж очень она строгая, ну ее.

к о н е ц

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо эпиграфа</i>	5
------------------------------	---

ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА

«Пока еще земля не дефлорирована...»	9
Светлого мая привет	10
Содомский счет	11
«Облака дебельые...»	12
«Уж если я — в футболке и трусах...»	13
«Друг роскоши, прохлад и нег...»	14
Закат	15
«Заброшенный парк на окраине Битцы...»	16
Сентябрь	17
«Наконец мы дождались просвета...»	18
«Не говоря уж про клены...»	20
«С букетами рдеющих листьев...»	21
«Красный день календаря...»	22
«Тягомотные, мутные месяцы...»	24
Настоящий минимализм	25

«На девятом месяце Мария...»	26
«Стынет вечер, блещет холод...»	27
Вольное переложение текста канцаты Дитриха Букстехуде	
«Das Neugeborne Kindelein»	28
«Рыбий скелетик елки...»	29
«И след прости, и лед застыл...»	30
Февраль, описанный автором году этак в 78-м году	31
«По идеи — младость, сладость...»	32
«Снова чистой воды торжество и надежды дурацкой...»	33
«Какие ж это, Ленка, одуванчики?!»	34

ЧТО ВСЕ ЭТО ОЗНАЧАЕТ?

«Гляжу я на Путина и изумляюсь...»	37
«Мы Христа не продавали...»	38
Автореминисценции	39
«Что все это означает?...»	40
Межпарламентские контакты	41
Притча во языщех	42
«Чума. На оба ваши дома. Я включаю...»	45
«Отчего это свобода...»	46
«Не ходили б мы к Цирце...»	47
«На повестке дня вопрос...»	48
Подражание Дмитрию Александровичу Пригову	49
Из истории отечественной духовности	50
«Жили-были два дебила...»	51
«Есть “Норма” Беллини и “Норма” Сорокина...»	52
«Lá-bas, lá-bas! — поет Кармен...»	53
«Вот ты спрашиваешь — вскую мятутся языци...»	54
«По Образу Предвечному созданный...»	56

Праздник урожая	58
«Шуршит целлофан, алюминий скрежещет...»	59
«Свет, как прежде, необъятен...»	60
«Что за шум, а драки нету...»	62
«Всё гаже просыпаться...»	64
«В одной кантате Баха...»	65
«Полежи на пляже...»	66
НОЧЬ ПЕРЕД И ПОСЛЕ РОЖДЕСТВА	
Синопсис сценария для кукольного мультфильма	67

Литературно-художественное издание

Серия «Поэтическая библиотека»

Тимур Юрьевич Кибиров

СМ. ВЫШЕ

Редактор
Татьяна Тимакова

Художественный редактор
Валерий Калныньш

Дизайн обложки
Дмитрий Минеев

Подписано в печать 25.12.2013.
Формат 70x108/32. Бумага офсетная.
Гарнитура CharterC. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 1171.

«Время»
115326, Москва, ул. Пятницкая, 25
<http://books.vremya.ru>
e-mail: letter@books.vremya.ru
Телефон: (495) 951 55 68

Отпечатано в соответствии
с предоставленным оригинал-макетом
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>, e-mail: book@uralprint.ru

